

Стихи московского поэта Сергея Гандлевского выходили отдельными изданиями дважды. В 1989 году опубликован сборник "Рассказ", а в 1995-м — "Праздник". В 1996 году поэт напечатал прозаическую книгу "Трепанация черепа". Не будет преувеличением сказать, что читатели, сохранившие серьезное отношение к современной русской литературе, каждую новую публикацию Гандлевского воспринимают с внимательным и неослабевающим интересом.

— В последние годы резко снизились тиражи поэтических книг, профессия стихотворца лишилась романтического ореола. На этом фоне все чаще слышны рассуждения о закате русской поэзии. Вы согласны с этим печальным предположением?

— Я думаю, что мы действительно свидетели заката, но не поэзии как таковой, а того, что понимается под романтической поэзией. Но это, на мой взгляд, не очень страшно. Гораций не был романтиком, Державин не был романтиком, тем не менее они замечательные поэты.

Все имеет свойство рано или поздно выдыхаться. "Романтический ореол" был естественен для Байрона или Блока. Понемногу "ореол" превратился в некую обязательку. Публика так и судит: не чудит, значит, не поэт. Это уже не "ореол", а создание "имиджа", потакание расхожим представлениям. Стоящий поэт может позволить себе роскошь не быть на виду любой ценой. Просто у нас из-за советской власти воспаленное отношение к поэзии проредилось несколько дольше. Но ведь такой же повышенный интерес был и к шмоткам. Много мы сейчас говорим об одежде? Гораздо меньше, чем прежде. Но ведь это не значит, что мы перестали одеваться. Я понимаю рискованность предложенной аналогии, и все-таки подозреваю, что многое в знаменитой русской духовности вообще и в экзальтированном отношении к поэзии в частности объяснялось тотальным дефицитом и ажиотажным спросом.

Превращение поэта в частное лицо — повсеместное явление. Терять всегда больно — особенно когда речь идет о влиянии, деньгах, успехе. Но зато сейчас поэту и поэзии

брошен вызов: выстоять или сойти на нет. Разве нет поэтического "упоения" в пребывании "на краю" такой "бездны"? А те, для кого сама мысль о частном существовании невыносима, уходят в эстраду, в сопредельные жанры.

— В каком смысле в эстраду?

— Одна поэтесса делилась со мной своими огорчениями: "Я уже выезжала из-за кулис на велосипеде, оголяла грудь. Чем еще взять публику, пронять ее?" Она не понимала, что рассуждает не как поэтесса, а как массовик-затейник. Ей надо брать публику. Но поэт не обязан "брать публику". Поэт должен на символической сцене расположиться так, как ему ловчей. Если ему ловчей стоять спиной к публике, пусть он стоит так, но если он будет делать это талантливо и если это не простой эпатаж, то придется публике вместе со своими стульями перебраться, чтобы его слышать.

— Вы упомянули о воспаленных отношениях между жизнью и поэзией, а какими, на Ваш взгляд, должны быть естественные отношения между ними?

— Мне кажется, как это ни горько, что совершенное искусство не имеет точек соприкосновения с жизнью. Реальной, осязаемой пользы от стихов Мандельштама и прозы Платонова — нет. Может быть, искусство смягчает нравы, но это только наша надежда... Мы не можем поставить эксперимент: прожить заново XX век, изъять Толстого из обихода, и посмотреть — лучше стало или хуже? Мы можем предположить, что художественная деятельность Толстого каким-то образом улучшила нравы. Но это только наше слабое предположение.

Мне никогда не удавалось писать стихи о совершенных явлениях жизни. Например, о горах Памира — они не нуждаются в моем участии. Они сами по себе существуют, и мне нечего к ним ни прибавить, ни убавить. Очень хороший афоризм есть в

«В поэзии есть бабья мудрость...»

Беседа с Сергеем Гандлевским



стихах Алексея Цветкова: "Я писал бы об этом стихи, если б не было это стихами". А вот какие-то незавершенные и несовершенные явления жизни подвигают поэта на сочувствие, поскольку нуждаются, чтобы кто-нибудь обратил на них внимание, нуждаются в приложении душевных сил, в сострадании, иначе они слишком ничемны.

— А что движет человеком, сочиняющим стихи?

— Я никогда особенно этим вопросом не задавался. Стихи пишешь, потому что тебе хочется их писать. Я не очень верю в соображения долга или пользы как в первопричину какой-либо деятельности. Все-таки хороший хирург — это тот, кто любит и умеет резать. Мы ляжем под нож и мизантропа, лишь бы он знал свое дело.

И поэт — это прежде всего человек, который любит слова. Слух которого ранят плохо связанные слова, и он получает чуть ли не физиологическое удовольствие от слов, хорошо, верно сопряженных, когда они поставлены так, что паз зашел в паз.

— С жизнью такая позиция дол-

жна входить в неизбежный конфликт. Вместо того, чтобы заниматься какими-то реальными с точки зрения большинства людей вещами, поэт возится со словами...

— Это не конфликт, а постоянная изжога и горечь. Твое занятие выводит тебя за пределы общности людей, живущих реальной жизнью. Я уверен, что я неважный служащий, муж, отец, потому что мне не дано полностью, как надо бы, раствориться в работе, супружестве, отцовстве. Рассудком ты понимаешь, что все вышеперечисленное и есть самое главное и лучшее в жизни, но на деле именно фикция оказывается во главе угла. И поэтому часто чувствуешь себя двурушником. Вот основная и хроническая морока, связанная с этой профессией.

— Что побудило Вас писать прозу?

— Проза — длительное занятие, она избавляет от ощущения неприкаянности, на недели и даже месяцы. Встаешь утром — и у тебя сразу есть дело. Со стихами такое невозможно. Ты не можешь сесть за стол с целью писать стихи, тебя это накрывает где угодно: на улице, в гостях, когда служебных дел позарез. Поэты часто тяготеют любовническими отношениями с Музой, в которых инициатива явно на ее стороне: позвонит — не позвонит, объявится — не объявится. Ты в довольно жалком положении. А проза — это скорее брачный или дружеский союз. Поэтому многим поэтам хочется писать прозу. Хотя, конечно, лестны свидетельства прозаиков, например Фолкнера, сказавшего, что романы пишет тот, кто не умеет уместить мир в сонете.

— Первенство все-таки за поэзией?

— Я думаю, что у прозы и поэзии разные способы мышления. В поэзии нас может пленить привкус мудрости, когда поэзия, минуя подробное описание, снимает сливки с ситуации. Тебе не обязательно пере-

сказывать умный пятичасовой разговор, но ты можешь написать 12 строк — и некая суммарная атмосфера этого вечера будет передана.

В поэзии есть бабья мудрость. Ум и мудрость — разные вещи. Женщина может весь вечер промолчать, а потом раздать всем спорщикам на редкость верные оценки. В таком случае она ведет себя так, как поступает поэзия.

Проза на одной мудрости протереться не может. Проза требует ума, известной стройности мировоззрения. Если бы искусство на роды делалось не по материалу, который используется, а по побудительному творческому импульсу, то прозе и поэзии нечего было бы делать в одном разряде. И то и другое — словесность, но по своему пафосу проза, конечно, примкнула бы к архитектуре, поэзия — скорее к живописи.

— Как Вы относитесь к тому, что поэзия (во всяком случае русская) часто обращается к вопросам, которые скорее относятся к области религии или философии?

— Мне кажется, что поэзию в ее невольных занятиях религией и философией выгодно отличает от этих дисциплин любовь к подробностям. Специальные религиозные или философские построения выносят подробности за скобки. Вместе с ними они упраздняют целое измерение мышления. Поэзия как более приземленное занятие себе такого высокомерия позволить не может и на поверку умеет представить истину в большем объеме. Поэзия имеет отношение к истине, но не как к формуле, а как к состоянию. Поэзия, в конечном счете, есть нахождение бокового и неожиданного выхода из неразрешимой ситуации.

— В XX веке русские потерпели поражение во всех областях, кроме литературы. Только Нобелевских лауреатов — пять человек. О

Сергей Гандлевский

Из новых стихов

Элегия

Идёт по улице изгой
Для пушей важности с серьгой
Впустую труженик позора
Стоял на перекрёстке лет
Три цвета есть у светофора
Но голубого цвета нет

А я живу себе покуда
Художником от слова худо
Брожу ль туда-сюда при этом
Сижу ль меж юношей с приветом
Никак к ней к смерти не привыкнешь
Всё над каким-то златом чахнешь
Умрешь как миленький не пикнешь
Ну разве из приличья ахнешь

Умри себе как все ребята
И к восхищению родни
О местонахожденьи злата
Агонизируя сболтни

* * *

"Когда пришло за мной небесных выводов..."
А.Сопровский

Социализм, Москва, кинотеатр,
Где мы с Сопровским молоды и пьяны.
Свет гаснет, первый хроникальный кадр —
Мажор с экрана.

В Ханое — труд, в Софии — перепляс,
Трус, мор и глад — в Нью-Йорке.
А здесь последний свет погас —
Сопровский, я и "три семёрки".

Мы шли на импортный дурман,
Помноженный на русский градус.
Но мой дружок мертвецки пьян —
Ему не в радость.
Огромные закрытые глаза.
Шпана во мраке шутки шутит.
Давай-ка, пробуждайся, спать нельзя —
Смотри, какую невидаль нам крутят:
Слепой играет аккордеонист,
И с пулей в животе походкой шаткой
Выходит, сквернослова, террорист
Во двор, мощённый мощною брусчаткой.

Неряха, вундеркинд, гордец,
Исчадь книжной доблести и сплина,
Ты — сеятель причин и следствий жнец,
Но есть и на тебя причина.
Будь начеку, отчисленный студент.
Тебя, мой друг большеголовый,
Берёт на карандаш — я думал мент,
А вышло — ангел участковый.

* * *

Так любить — что в лицо не узнать,
И проснуться от шума трамвая.
Ты жена мне, сестра или мать,
С кем я шел вдоль околицы рая?

Слышишь, ходит по кругу гроза —
Так и надо мне, так мне и надо!

Видишь, вновь закрываю глаза,
Увлекаемый в сторону ада.

Заурядны приметы его:
Есть завод, проходная, Кузьминки,
Шум трамвая, но прежде всего —
По утраченной жизни поминки.

За столом причитанья и смех,
И под утро не в жилу старшему
Всех вести на обоссанный снег
И уже добывать по-простому.

Оставайся со мной до конца,
Улыбнись мне глазами сухими,
Обернись, я не помню лица,
Назови под конец свое имя.

* * *

Баратынский, Вяземский, Фет и проч.
И валяя цитируй, когда не лень.
Смерть — одни утверждают, — сплошная ночь.
А другие божатся, что Юрьев день.
В настоящее время близка зима.
В новый год плесну себе коньячку.
Пусть я в общем и целом — мешок дерьма,
Мне ещё не скучно хватить снежку
Или встретиться с зеркалом: сколько лет,
Сколько зим мы знакомы, питомец муз!
Ну решайся, тебе уже много лет,
А боишься выбрать даже арбуз.
Семь поль-ноль. Пробуждается в аккурат
Трудодень, человекоконь гужевой.
Каждый сам себе отпри свой ад,
Словно дверцу шкафчика в душевой.